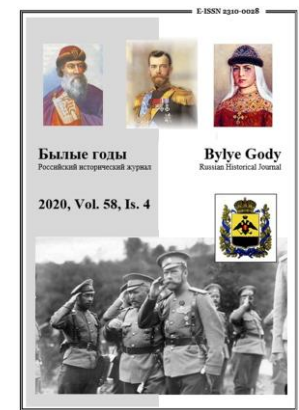

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2609-2621. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2609
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Administration of the Don Host and the Local Jewish Diaspora in 1860–1890

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The history of the Jews of the Don Host Oblast has not been sufficiently studied. In particular, professional scholars and amateur local historians did not specifically investigate the attitude of local authorities towards Jews. This article is the first attempt to investigate the policy of the administration of the three Don atamans of the late XIX century (M.I. Chertkov, N.A. Krasnokutsky and N.I. Svyatopolk-Mirsky) in the «Jewish question». Unpublished manuscripts about the history of the Jews in the Don region are drawn into scholarly circulation. They written by N.A. Maslakovets (assistant to N.A. Krasnokutsky and N.I. Svyatopolk-Mirsky for the civilian part) and P.S. Baluev (head of the office of N.I. Svyatopolk-Mirsky). The author shows that the Don Host Oblast for a long period of time, although for various reasons, was in a unique position, located outside the Pale of Settlement, but at the same time having a dynamically developing Jewish diaspora on its territory. Moreover, each ataman pursued his own policy towards the Jews, and their anti-Semitism was consistently increasing. M.I. Chertkov was quite loyal to the Jewish diaspora. N.A. Krasnokutsky displayed moderate anti-Semitism based on the fear that the Cossacks would lose economic competition to the Jews. N.I. Svyatopolk-Mirsky was distinguished by radical anti-Semitism based on the irrational demonization of Jews.

Keywords: Jews, Don Host Oblast, interethnic relations in the South of Russia, N.A. Maslakovets, P.S. Baluev.

1. Введение

История донских евреев неоднократно привлекала внимание местных краеведов, начиная с 1990 гг. За последние десятилетия были изданы не только статьи, но и две книги, специально посвященные данной тематике: «Евреи на донской земле» М.А. Гонтмахера (Гонтмахер, 2007) и «Очерки истории евреев на Дону» Е.В. Мовшовича (Мовшович, 2006). Особенность ситуации, однако, заключается в том, что интерес к истории донских евреев исходит главным образом от историков-любителей (М.А. Гонтмахер – врач, Е.В. Мовшович – геолог), а историки-профессионалы стоят несколько в стороне от данного процесса. Только в 2019 г. вышла статья «Обустройство евреев на донской земле и их укоренение в деловой элите города Ростова-на-Дону в XIX в.» профессиональных историков В.А. Сущенко и М.В. Ковыневой (Сущенко, Ковынева, 2019). В результате работы современных исследователей оказались написаны с позиции еврейской общины и основаны преимущественно на статистических сведениях и материалах членов этой общины. Документы местных властных органов и чиновников используются эпизодически, не системно и, несмотря на интересные находки, не складываются в единую картину. В итоге вопрос о том, какой видели еврейскую общину извне, например, официальные власти Войска Донского, не только не был изучен, но даже и не был поставлен. Дело дошло до откровенных неточностей: например, В.А. Сущенко и М.В. Ковынева заявили о «благоклонном отношении казачьего войскового правления к пребыванию

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

евреев в донских городах», что, как мы увидим ниже, никак не соответствовало действительности (Сущенко, Ковынева, 2019: 234).

Между тем в ходе архивного поиска нам удалось обнаружить два очень интересных документа, содержащих развернутый взгляд высокопоставленных чиновников на историю донских евреев. Один из них, «О торгово-промышленной деятельности еврейского населения области и влиянии его на торговую и промышленную деятельность населения области», принадлежал перу начальника атаманской канцелярии П.С. Балуева (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38). Второй, «Записка об ограничительных, законодательных и других мерах по заселению евреями территории Области Войска Донского», написан бывшим помощником донского атамана по гражданской части Н.А. Маслаковцом (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40). После знакомства с этими текстами у нас появилась идея описать историю евреев области Войска Донского в 1860–1890 гг. с точки зрения войсковых властей и трансформаций антиеврейского законодательства, действовавшего на Дону. И нижеследующая статья представляет собой попытку реализации данной идеи.

2. Материалы и методы

Основным материалом для данной статьи послужили архивные рукописи Н.А. Маслаковца и П.С. Балуева. На биографиях этих двух генералов есть смысл кратко остановиться не только потому, что они важны для понимания их отношения к евреям, но и потому, что Н.А. Маслаковцу было суждено сыграть заметную роль в истории российского казачества, а П.С. Балуеву – в истории Первой мировой войны. Таким образом, эти материалы интересны не только с точки зрения донской истории, но и с точки зрения истории российского генералитета.

Н.А. Маслаковец (1833–1908) – генерал от инфантерии, атаман Оренбургского казачьего войска. Не казак по происхождению, почти всю свою карьеру он занимал различные должности по гражданскому управлению казачьих войск, пройдя путь от чиновника для особых поручений при уральском атамане в 1860 гг. до руководителя нескольких знаковых для истории казачества комиссий при Военном министерстве на рубеже XIX–XX вв. (Григорович, 1911: 262–266). Отношение к генералу резко разнилось в различных войсках: на Дону он пользовался репутацией убежденного консерватора, уничтожившего местные земства (Сватиков, 1924: 379–381), а в Оренбуржье, напротив, его считали реформатором и просветителем, снятым с атаманской должности за оппозицию к центральному аппарату Военного министерства (Григорович, 1911: 262–265). В любом случае, даже у своих политических оппонентов Н.А. Маслаковец пользовался репутацией человека серьезного и прекрасно знающего казачество. В частности, донской земец А.А. Карасев еще при жизни Н.А. Маслаковца, избегая называть имя генерала, давал ему следующую характеристику: «В атаманство генерала Черткова начала обрисовываться одна личность, занявшая потом видные места. Изучив донской край во всех отношениях, она почему-то разошлась с донской интеллигенцией во взглядах на земские учреждения» (Карасев, 1899: 111). Действительно, Н.А. Маслаковец был не только чиновником, но и крупным краеведом, автором целого ряда исследований по казачьей истории и статистике (Маслаковец, 1872; Маслаковец, 1874; Маслаковец, 1899а; Маслаковец, 1899b). Современные авторы, например, характеризуют тексты Н.А. Маслаковца на «калмыцкую» тему как «первый значимый опыт комплексного изучения субэтнуса донских калмыков» (Ряжев, Сангаджиева, 2018: 65). Нам остается констатировать, что при неоднозначной политической позиции Н.А. Маслаковца его нельзя считать ни откровенным реакционером, ни человеком, подстраивавшимся под мнение начальства. При этом генерал входил в число важнейших исследователей казачества второй половины XIX в., что делает особенно интересным его текст про донских евреев.

Другой генерал от инфантерии, П.С. Балуев (1857–1923), был человеком совершенно иного поколения, жизненного пути и взглядов. Строевой офицер, а не военный чиновник, он участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., за которую был удостоен ордена святого Станислава третьей степени с мечами и бантом, и прошел под огнем всю Первую мировую, поднявшись от командира дивизии до командующего фронтом (Олейников, 2014: 200–245). Большинство отзывов о нем как о военачальнике вполне комплементарны. Так, командующий Особой армией В.И. Гурко, объясняя, почему он на время своей временной отлучки передал должность П.С. Балуеву, заявлял следующее: «Все увиденное мной в его корпусе, его волевые качества и неукротимая энергия, ответственное выполнение им моих многочисленных, непростых и трудноисполнимых распоряжений военного характера и разумные меры, принятые им при их реализации, – все эти факторы расположили меня в его пользу» (Олейников, 2014: 228). Однако на Дону П.С. Балуев оставил после себя совершенно иную память, память коррупционера и взяточника. А.И. Петровский, донской либеральный деятель, собравший массу компрометирующих слухов о донских атаманах, писал об «управляющем атаманской канцелярией полковнике Балуеве, благодаря громадному родимому пятну на лице, а также и по иным причинам, прозванном «темною личностью» (Петровский, 1916: 22). А.А. Карасев отмечал, что в окружении атамана Н.И. Святополк-Мирского, начальником канцелярии которого был П.С. Балуев, царили nepотизм и доноительство, а в местных бюджетах, даже непосредственно в Новочеркасске, обнаруживались растраты, виновными в которых объявлялись уже умершие лица,

к тому же «не оставившие после себя никакого имущества» (Карасев, 1899: 113-114). К этому следует добавить, что в 1919 г. П.С. Балудев, на посту начальника атаманской канцелярии Войска Донского демонстрировавший крайнюю степень антисемитизма, вступил в РККА и до самой смерти служил советской власти, в числе представителей которой было немало евреев (Олейников, 2014: 234). Таким образом, этот заслуженный военный, герой Первой мировой войны, в гражданской жизни не был образцом добродетели и демонстрировал завидную гибкость в деле служения различным режимам. Соответственно, и его текст о донских евреях интересен не столько как описание реального положения дел, сколько как демонстрация взглядов, царивших в войсковом правлении конца XIX в.

Итак, мы располагаем двумя альтернативными текстами, совершенно по-разному описывающими историю еврейской общины в области Войска Донского и ее положение на конец XIX в. «Еврейская тематика» эпизодически поднимается и в некоторых документах Государственного архива Ростовской области (ГАРО), и в официальных историко-статистических описаниях Дона. На основании этого разнородного комплекса источников, используя историко-описательный, историко-сравнительный и историко-биографический методы, мы и попытаемся проследить основные особенности взаимоотношений еврейской общины Дона и войсковых властей.

3. Обсуждение

«Область Войска Донского всегда считалась вне черты еврейской оседлости в империи, поэтому еврейский элемент никогда не имел особенного значения в среде ее населения», – так начинал историческую часть своей записки Н.А. Маслаковец (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 1). Действительно, в статистическом описании Земли Войска Донского, выполненном офицером генерального штаба Н.И. Красновым в начале 1860 гг., отсутствие упоминаний о евреях в некотором смысле просто разительно. Н.И. Краснов сообщал даже о католиках и лютеранах на Дону, число которых «не превышало одной сотни душ и не принадлежало к постоянному населению донской земли», однако ни словом не обмолвился о евреях (Краснов, 1863: 202). Тем не менее относить Землю (с 1870 г. – область) Войска Донского к обычным губерниям, лежащим вне черты оседлости, не вполне корректно. В середине XIX в. она была закрыта для постоянного водворения не только евреев, но и всех иногородних, т.е. не казаков и не крепостных крестьян, принадлежащих казачьим помещикам (исключения из этого правила допускались, но здесь нас интересует ситуация в целом). Некоторые современники даже сравнивали такое положение дел с «китайской стеной», отгородившей Дон от остальной России (Volvenko, 2015: 103-104). При этом важно понимать, что абсолютно непроницаемой эта «китайская стена» не была, и в условиях немногочисленности, патриархальности и коррумпированности донских чиновников «полезные» иногородние без проблем селились в казачьих станицах. Станичные сходы не стеснялись признавать, что «лица (не из казаков – Авт.), полезные торговыми и другими занятиями, пользуются у нас уже и теперь уважением, и не стесняются в приобретении квартир и помещений» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 24). Таким образом, с одной стороны, необходимости в создании специальных законодательных мер по выдворению евреев с территории Донского Войска в это время не возникало, а с другой – у казаков исторически выработалась терпимость к проживанию в их станицах нарушителей, которых по закону надлежало выдворить в другие губернии, если эти нарушители приносили пользу станице.

Положение коренным образом изменилось, когда «высочайшим повелением 28 апреля 1868 года русским подданным невойскового сословия <было> предоставлено право селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 99. Л. 48). Возникла парадоксальная ситуация, порожденная инерцией имперской бюрократической машины: хотя Земля Войска Донского по-прежнему оставалась за пределами черты оседлости, старые механизмы по выдворению евреев с ее территории действовать перестали, а новые еще не возникли. А войсковые власти не торопились проявлять активность в создании специального местного антиеврейского законодательства, на что имелись весьма необычные причины.

Дело в том, что в том же 1868 г. донским атаманом стал генерал М.И. Чертков, женатый на «даме еврейского происхождения и красоты отменной», О.И. Черткой (Петровский, 1916: 19). Современные исследователи донской еврейской общины как-то не увязывают этого факта с необычайными послаблениями для донских евреев в начале 1870 гг., в отличие от современников-недоброжелателей атамана. В анонимном издевательском письме М.И. Черткову, сохранившемся в ГАРО, говорится и об огромном влиянии его еврейки-жены, и о «предательском хохоте сына Израиля», которому атаман продавал «народную собственность», и даже о заздравных молебнах в синагогах, организованных в честь генерала (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1-5). Разумеется, сам жанр анонимного издевательского письма не предполагал достоверности, но крайне характерно, что обвинения в симпатиях к еврейству выдвигались из всех донских атаманов только М.И. Черткову. Фактически же этот атаман продолжил наметившееся еще при его предшественниках сотрудничество войсковой администрации с еврейским семейством миллионеров и железнодорожных магнатов Поляковых и, главное, позволил последним широко приглашать евреев для выполнения разного рода хозяйственных работ на территории Донского Войска. Согласно М.А. Гонтмахеру, в 1867 г. первая в войске еврейская колония, возникшая вокруг конторы Поляковых в Грушевском горном

поселении, состояла всего из 53 человек, а через шесть лет, в 1873 г., вдоль принадлежавших Поляковым железных дорог в пределах области Войска Донского проживало уже 695 евреев (Гонтмахер, 2007: 22-25). Любопытное описание происходивших тогда процессов принадлежит Н.А. Маслаковцу: «Положение вещей довольно заметно стало меняться с проведением железнодорожных линий: Козлово-Воронежско-Ростовской, Курско-Харьковско-Азовской и Ростово-Александровской. Еврейский элемент с начала семидесятых годов довольно быстро стал водворяться на названных железнодорожных путях в качестве служащих в управлениях дорог и на станциях, как равно тогда же стали в значительном числе появляться и разного рода агенты коммерческих и промышленных учреждений» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 106.).

Послабления для евреев, допущенные М.И. Чертковым, были использованы не только семейством Поляковых. В 1925 г. в сборнике «Еврейская летопись» были опубликованы краткие воспоминания М. Гутмана «Еврей среди казаков», уже в XXI в. перепечатанные в альманахе «Лехаим». В этих воспоминаниях речь идет о семьях двух евреев-ремесленников, перебравшихся на Дон в начале 1870 гг., причем при очень показательных обстоятельствах: первого из них, шапочника, позвал в свою станицу знакомый казак, поскольку там «некому <было> шапки шить», а буквально через несколько месяцев шапочник, оценив перспективы, «выписал» к себе друга-портного (Гутман, 2004). Согласно М. Гутману, в целом к ремесленникам в станице относились неплохо, называя «нашими жидами», работа их пользовалась огромным спросом, и «евреи процветали» (Гутман, 2004). Действительно, во второй половине XIX в. в казачьих станицах остро не хватало ремесленников, и начальник донской артиллерии генерал С.С. Канищев даже восклицал по этому поводу: «Как же может обмундироваться казак в своей станице, где не всегда и ситцу порядочного достать можно, а умелого портного – почти никогда, и, наконец, во что это ему обойдется и сколько раз ему забракуют одну и ту же вещь?» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 260б.). Кроме того, как мы помним, казаки традиционно покрывали незаконно живших в станицах «лиц, полезных торговыми и другими занятиями». Таким образом, в том, что казаки приняли в свою среду хороших еврейских ремесленников, не выказывая особого недовольства по поводу их веры, не было ничего удивительного. Но при этом ксенофобия казаков была обратно пропорциональна возможности евреев не выделяться в казачьей среде. Так, отец М. Гутмана, портной, «лицом и говором типичный москвич», был принят станичниками за своего сразу, а шапочнику помогло завести дружеские связи регулярное потребление алкоголя с казаками (Гутман, 2004). А вот к их женам, ортодоксальным еврейкам, отношение оставалось резко негативным, вплоть до беспричинной агрессии (впрочем, к чести казаков, когда однажды еврейки чуть не утонули, их спасли из воды и долго откармливали) (Гутман, 2004). Аналогичным было и отношение самих евреев к жизни в станице: мужчины разбогатели и открыли полноценные мастерские (шапочник еще и магазин), но женщины требовали вернуться в черту оседлости (Гутман, 2004).

Итак, перспективы еврейской общины в области Войска Донского какое-то время казались самыми благоприятными: это был единственный регион Российской империи, не входивший в черту оседлости, но фактически свободно принимавший евреев на свою территорию и к тому же остро нуждавшийся в ремесленниках и торговцах. Однако в 1874 г. М.И. Чертков ушел с атаманского поста, и его сменил совершенно не разбиравшийся в вопросах гражданского управления кавалерийский генерал Н.А. Краснокутский (Карасев, 1899: 112). Не удивительно, что, как говорили современники, «все творческое бремя власти при Краснокутском было возложено последним на своего помощника по гражданской части генерала Маслаковца» (Петровский, 1916: 20). Между тем, как мы можем судить из его «Запискам об ограничительных, законодательных и других мерах по заселению евреями территории Области Войска Донского», Н.А. Маслаковец придерживался последовательной антисемитской позиции, хотя и сравнительно мягкой. Так, он не имел ничего против «евреев-коммерсантов», вкладывавших деньги в развитие Донского края, однако считал необходимым защищать область Войска Донского от рабочих и служащих из евреев (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 3). Логику подобных запретов помогают понять отрывки из документов войсковой администрации за 1874 г., которые приводит М.А. Гонтмахер. Донские чиновники признавали, что казаки не способны конкурировать «с таким искони торговым племенем, как евреи», и утверждали, что, если не защитить станицы от переселения последних, неизбежно настанет день, когда казачье население «очутится как бы в тисках: сверху будут напирать на него еврей-землевладельцы, снизу – еврей-торгаши и промышленники, подавая, разумеется, друг другу руку для взаимной помощи» (Гонтмахер, 2007: 25).

Как ни странно, в антисемитской позиции администрации Н.А. Краснокутского – Н.А. Маслаковца был свой резон: как показало будущее, донские казаки, природные воины, действительно оказались не готовы экономически конкурировать с пришлыми группами населения. Несколько позже, в конце XIX в., донские общественные деятели будут требовать защитить казачество от конкуренции даже не с евреями, а с иногородними, т.е. с русскими крестьянами. Вот что, например, говорили донские дворяне в одной из местных комиссий: «Казачье население почти удвоилось (по сравнению с 1860 гг. – Авт.), а пришлый элемент между тем твердо осел на казачьих землях, борьба между коренным населением и пришлецами из-за этих земель стала проявляться в

размерах, обуславливаемых не обстановкой свободной конкуренции, а условиями борьбы за существование, со всеми острыми ее последствиями. В этой борьбе казаку должно помочь, потому что он обстановкой своей службы поставлен в менее благоприятные трудовые условия сравнительно с лицами невоинского сословия» (*Протоколы...*, 1899: 186). Более того, как показал современный историк Б.С. Корниенко, в крайне правой донской прессе 1910 г. отрицательные черты, обыкновенно приписываемые черносотенцами евреям, оказались приписаны... русским иногородним (*Корниенко, 2013: 186*). Самый яркий пример подобной риторики создали, кстати, официальные «Донские областные ведомости»: «Если в Донской области нет евреев, по закону не имеющих права жительства в черте казачьих поселений, то зато имеются православные хриstopродавцы, которые по части гешефтмахерства любому Израилю не уступят» (*Корниенко, 2013: 182*). И так, к концу XIX в. конкуренция между казачьим и иногородним населением области Войска Донского резко обострилась, причем иногородних, доказывая их порочность и подлость, даже прямо сравнивали с евреями. Если бы в станицах проживала настоящая еврейская община, ее положение оказалось бы еще более незавидным: можно не сомневаться, что особенно сильная ненависть донских правых была бы направлена против нее. Все это могло дополнительно обострить ситуацию на Дону и вылиться в массовые и кровавые погромы (кстати, в 1905 г. произошел погром в Ростове-на-Дону, описанный М.А. Гонтмахером, но в станицах из-за отсутствия евреев ничего подобного не было (*Гонтмахер, 2007: 152-162*). Таким образом, желание остановить переселение евреев в область Войска Донского, а также вернуть в черту оседлости имеющихся переселенцев, характерное для администрации Н.А. Краснокутского–Н.А. Маслаковца, можно если не оправдать, то хотя бы понять. Интересы казачества для донских властей были выше интересов еврейства, и, изгнав чужаков, чиновники избавили бы себя и своих преемников от потенциально серьезной проблемы в будущем.

В оправдание Н.А. Краснокутского следует указать и тот факт, что он, очевидно, не слишком усердствовал в своем антисемитизме. Согласно М.А. Гонтмахеру, вопрос о выселении евреев был поднят еще в 1874 г., однако решался в очень неспешном бюрократическом порядке (*Гонтмахер, 2007: 25*). Трактовка М. Гутмана еще любопытнее: якобы разговоры о переселении евреев начались после активизации действий народовольцев и появлении в станицах неких «подозрительных лиц» (*Гутман, 2004*). Действительно, в 1878 г., на волне недовольства казаков новыми законоположениями, на Дон приезжали революционеры, и даже лично Г.В. Плеханов (*Сватиков, 1924: 391-392*). Наконец, Н.А. Маслаковец – источник, ближе всего стоящий к донской администрации 1870 гг., вовсе не упоминает об инициативах местных властей по выселению евреев, зато подчеркивает роль Военного министерства в этом отношении, отмечая его деятельность «в направлении ограждения Области Войска Донского от наплыва в ее пределы еврейского элемента» (*ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 106.*). В любом случае, Высочайшее повеление о воспрещении евреям постоянного жительства и владения движимой собственностью в пределах Донской области последовало только 22 мая 1880 г. (*ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 1 об.-2*). Но и после этого меры по выселению евреев носили достаточно спокойный характер. М. Гутман вообще писал, что на защиту его семьи встала вся казачья станица: «Местное купечество при поддержке атамана, мирового судьи и чиновников подало наверх петицию, где подчеркивалось, что оба еврея чрезвычайно полезны станице как ремесленники высокого уровня, способствующие развитию торговли, и люди отличного поведения. Выселение удалось оттянуть почти на год» (*Гутман, 2004*). Да и согласно М.А. Гонтмахеру, евреям, арендовавшим недвижимость, разрешили остаться до истечения срока аренды (*Гонтмахер, 2007: 26*).

Нам остается констатировать, что первая попытка создания еврейской общины в области Войска Донского относилась к 1870 г. Одной из важных причин ее стала позиция атамана М.И. Черткова, женатого на еврейке и смотревшего сквозь пальцы на то, что евреи активно переселяются в донские станицы. Для евреев же область Войска Донского, на территории которой остро недоставало ремесленников и торговцев, была настоящей землей возможностей. По понятным причинам данный эпизод истории донского еврейства задокументирован достаточно слабо, однако, очевидно и низовое чиновничество, и простые казаки с сочувствием относились к «полезным» евреям, не выделяя их из общего числа «полезных» иногородних, что, впрочем, не означало отсутствия отдельных случаев проявления антисемитизма. Однако следующий атаман, Н.А. Краснокутский, возможно, под влиянием своего помощника Н.А. Маслаковца, отнесся к евреям с меньшим пониманием, опасаясь в перспективе конкуренции между евреями и казаками. Тем не менее конкретные меры против евреев были предприняты только в 1880 г., причем, возможно, после того, как в станицах были замечены народовольцы, и по инициативе не столько местных властей, сколько Военного министерства. Евреев выселили в пределы черты оседлости, позволив части из них задержаться на солидный срок, а некоторые чиновники даже пытались защищать «полезных» ремесленников еврейского происхождения.

Коренное изменение позиции донской администрации по отношению к евреям произошло в 1880 г., когда донским атаманом стал князь Н.И. Святополк-Мирский. Он был человеком крайне консервативных взглядов, снискавшим у донской либеральной интеллигенции репутацию гонителя просвещения и либеральных идей (*Карасев, 1899: 113*). Судя по тексту начальника его канцелярии,

П.С. Балужева, при этом атамана администрация Войска Донского заняла позицию крайнего антисемитизма, основанного не на каких-либо рациональных доводах, а на ненависти к евреям. Если Н.А. Краснокутский и Н.А. Маслаковец вполне резонно опасались конкуренции между казаками и более адаптированными к реалиям XIX в. евреями, то П.С. Балужев евреев откровенно демонизировал, описывая их как априори аморальных и опасных людей: «Не стесняясь никакими преградами, обходя закон, нарушая установленные обычаи, долг, и даже подчас совесть, честь и правду, еврей готов на все для достижения своей заветной цели – обогащения» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 30б.). А вот как начальник атаманской канцелярии характеризовал взаимоотношения евреев и казаков: «Обмануть казака, приехавшего продать сырье и купить необходимое, снабдить от имени банка или купца того же казака деньгами под хлеб в трудное для него время и затем, воспользовавшись случаем, купить за бесценок этот хлеб, опутав от имени того же банка продавца такими обязательствами, в которых он ничего не понимает, поехать по станицам, посадить артельщиков из русских на места, бойкие по торговле, как станицы: Константиновская, Нижне-Чирская, Калач и другие, проноухать, нет ли каких богатств в недрах юртов станицы, арендовать под чужим именем за бесценок пай, содержащий в себе богатства, соблазнить правителя хутора или волости подначкою и прочее – вот верная иллюстрация деятельности еврея в области. Это самый юркий деятель, ловко плетущий свои сети, пользуясь необеспеченностью, неразвитостью и нравственной слабостью казака и вообще мирного обывателя» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 30б.). Как мы видим, естественное желание любого коммерческого деятеля получить прибыль трактовалось П.С. Балужевым как нечто преступное, причем, согласно его интерпретации, заниматься подобной деятельностью в рамках закона и нравственности еврей не мог и обязательно должен был доводить казаков до нищеты, а чиновников – до взяток. Ответственность же самих казаков и чиновников за свои действия начальником атаманской канцелярии игнорировалась, а их глупость и преступления оправдывались как «нравственная слабость». Показательно, что никаких доказательств этим обвинениям и конкретных примеров еврейских преступлений П.С. Балужев не приводил, как и не упоминал того факта, что среди евреев были не только торговцы, но и ремесленники, потенциально полезные бедной на мастеровых области Войска Донского.

Зато, по мнению начальника атаманской канцелярии, руководствоваться статистическими данными при оценке вредного влияния евреев на казачье благосостояние не приходилось. «Если взглянуть на ведомость, указывающую, сколько в каждом учреждении имеется служащих по национальности, то по первому взгляду процент евреев покажется незначительным, но, если посмотреть в действительности, то русский или казак несут черную работу, а еврей в большинстве стоит ближе к управлению и, по свойственной ему изворотливости, занимает лучшие места», – возмущался он (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 30б.). И, разумеется, столкнувшись с таким опасным и изворотливым врагом, как еврей, несчастные чиновники не могли победить даже с помощью самых жестоких мер: «Все меры, принимаемые правительством к ограждению от эксплуатации евреев населения империи, в действительности могут служить только отчасти к ослаблению этой эксплуатации, а не к устранению ее. <...>. Закон запрещает еврею селиться в известных местностях, он, чтобы совершать свои коммерческие дела, будет жить в вагоне, но с тем, чтобы ежедневно бывать там, или воспользуется предоставленной ему законом льготой, заведет тяжёбное дело и на время все-таки поселится в этой местности, а нередко перейдет в христианскую религию, оставаясь тем же евреем. Нет никакой возможности даже предугадать те уловки, на которые способна еврейская изобретательность, чтобы победить закон» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 30б.-4).

Не удивительно, что при подобном отношении к евреям и желании Военного министерства еще больше ограничить их присутствие на территории Донского Войска, принятие антиеврейских мер продолжилось. Правда, уже на 1882 г., по официальной статистике, в области Войска Донского осталось всего 134 еврея (Номикосов, 1884: 280). Тем не менее 4 марта 1887 г. было воспрещено «проживание в Донской Области нижним чинам из евреев» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2). Однако как раз в 1887 г. произошло изменение губернских границ на Юге России, и к области Войска Донского оказались присоединены Ростовский-на-Дону уезд и Таганрогское градоначальство (Татаринев, 2019: 51). Как вполне резонно отмечал Н.А. Маслаковец, включение в состав казачьих территорий крупных городов, прежде лежавших в черте оседлости и имевших значительное еврейское население, «нарушало <...> противодействие водворению в крае евреев» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 20б.). Однако дело было вовсе не в том, что, как утверждают В.А. Сущенко и М.В. Ковынева, в донских городах, в удалении от казаков, войсковые власти были рады видеть еврейское население. Напротив, и местная администрация, и Военное министерство, согласно Н.А. Маслаковцу, надеялись на то, что с введением новых ограничительных мер евреи постепенно покинут эти города (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 20б.-3). Н.А. Маслаковец перечислял следующие важнейшие действия чиновников в этом направлении:

1) 17 февраля 1892 г. – издание специальных правил «об удалении евреев лицами полиции из селений, где жительство им не было дозволено» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2);

2) 23 апреля 1893 г. – запрет евреям менять имена и место жительства (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2);

3) 3 июня 1893 г. – введение четкого запрета на переселение евреев в присоединенные к Области Войска Донского города, и установление специальных правил, регламентировавших жизнь уже проживавших там евреев (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2);

4) 3 июня 1893 г. – дополнение правил об удалении евреев за черту оседлости (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2об.);

5) 9 и 26 августа 1893 г. – уточнения прав евреев области войска Донского (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2 об.);

6) 18 марта 1895 г. – запрет евреям прибывать в Кубанскую, Терскую и Донскую области для лечения (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 2об.).

Может показаться странным, почему евреев с присоединенных территорий просто не выселили за черту оседлости. Однако нужно учитывать, что, во-первых, провести подобную операцию было бы не просто: только в Ростове-на-Дону к концу XIX в. проживало около 10 000 евреев, или около 10 % населения города (Сущенко, Ковынева, 2019: 235). А, во-вторых, даже П.С. Балугев после всех своих обвинений был вынужден признать, что евреи являются важнейшими покупателями произведенных казаками товаров, и без них эти товары просто не найдут рынков сбыта. Правда, первоначально начальник атаманской канцелярии с возмущением писал, что «евреи перекупают на рынках городов все произведения жителей области, поднимают им цены, открывают для сбыта новые рынки в других городах России и за границей, и перепродают их туда» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 4). Однако, обличив евреев в «эксплуатации» казачьего населения, П.С. Балугев вдруг указывал, что те же самые евреи «поднимают торгово-промышленную деятельность того края, где они проживают» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 5). И, переходя к окончательному выводу, офицер постулировал следующее: «Безусловное воспрещение евреям жительства в присоединенных к области местностях нежелательно, так как эта мера может невыгодно отразиться на торгово-промышленной деятельности присоединенных городов, а значит, и почти всей области» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 5). Впрочем, признав определенную пользу от евреев, офицер немедленно находил другую мишень для ксенофобских высказываний, присовокупляя, что евреи нужны еще и для того, чтобы ограничить влияние другой «коммерческой нации» – армян (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 5).

Здесь уместно попытаться понять, насколько важную роль играли евреи в донской экономике и насколько обоснован был страх антисемитского войскового правления перед тем, что одномоментное изгнание еврейской общины «невыгодно отразится на торгово-промышленной деятельности». Согласно данным П.С. Балугева, на 1894 г. в донских городах евреи владели 865 предприятиями с годовым оборотом в 12 024 900 руб., а в сельских местностях – 17 предприятиями с годовым оборотом в 165 000 руб. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 1). При этом большая часть еврейских предприятий занималась торговлей вообще (с оборотом в 4 085 500 руб.) и учтенной отдельно торговлей хлебом (с оборотом в 3 130 000 руб.) (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 1). Для сравнения, вся продажа хлеба простыми донскими казаками, по очень примерным прикидкам Н.А. Маслаковца, в конце XX в. простиралась до суммы чуть более чем в 8 000 000 руб., а общий доход донских казачьих хозяйств составлял около 20 000 000 руб. (Маслаковец, 1899а: 57). Если мы примем, что расход казачьих хозяйств примерно соответствовал доходу, то их общий оборот не будет превышать 50 000 000 руб. (правда, здесь не учитываются поместья донских дворян). Таким образом, еврейские предприятия уже в первой половине 1890 гг. были очень заметны в хозяйственной жизни области Войска Донского и имели обороты, хотя и сильно уступающие казачьим хозяйствам, но того же порядка (десятки миллионов рублей). Если же добавить к этому утверждения П.С. Балугева, согласно которым именно евреи выступали крупнейшими посредниками между донскими казаками и рынками сбыта сельскохозяйственных товаров в сопредельных губерниях и за рубежом, вывод выйдет совершенно однозначным – гипотетическая массовая высылка евреев из городов, присоединенных в 1887 г. к области Войска Донского, действительно повлекла бы за собой полноценный региональный экономический кризис и тяжело ударила бы по благосостоянию казаков.

В этих условиях, исходя и из местной специфики, и из антисемитской позиции властей, политика постепенного выдавливания евреев из области Войска Донского, описанная нами выше, действительно могла казаться многим чиновникам оптимальным выходом. Новые евреи не могли переселяться на Дон; между тем число старожилов должно было постепенно сокращаться из-за отъезда отдельных семей. В итоге обороты еврейских торговых предприятий уменьшались бы постепенно, эти предприятия переходили бы в другие руки, и влияние донских евреев постепенно бы падало. Кроме того, умеренные антисемиты в Военном министерстве в принципе не ставили своей целью полное изгнание евреев за черту оседлости в какой-либо обозримой перспективе. Так, согласно все тому же Н.А. Маслаковцу, правительственные решения к концу 1890 гг. достигли своей главной цели, поскольку евреи «Ростова и Таганрога» «никакого на прочие места Донской Области влияния уже не имели» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 3об.). Очевидно, генерал по-прежнему придерживался взглядов, согласно которым основную опасность представляли евреи, постоянно живущие в станицах и выступающие экономическими конкурентами казакам. Еврей-скупщики же были для Н.А. Маслаковца нежелательным, но отнюдь не таким пугающим элементом.

Вот только на практике администрация Н.И. Святополк-Мирского оказалась совершенно неспособна реализовать достаточно сложную политику «выдавливания» евреев с Дона косвенными методами. Не следует забывать, что эта администрация, как мы писали выше, вполне заслуженно имела репутацию некомпетентной и коррумпированной. С другой стороны, в 1890 гг. правления казачьих войск были жестко подчинены центральному аппарату Военного министерства, и для решения многих спорных ситуаций им предписывалось обращаться в Главное управление казачьих войск (ГУКВ) (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 7. Л. 1-18). Между тем, как жаловался П.С. Балугев, донские власти столкнулись с тремя сложными вопросами, отсутствие законодательно прописанных ответов на которые развязало руки донской еврейской общине. Мы приведем эти вопросы дословно по тексту начальника атаманской канцелярии:

1) «Как надо понимать слово поселились, т.е. приобрели ли недвижимое имущество на каких-либо законных правах, или для приобретения права на жительство достаточно было одного того факта, что закон о присоединении застал еврея в одном из пунктов присоединенных местностей, и заявления его, что он живет в этом пункте?» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.).

2) «Имеют ли право евреи переезжать из одного в другой присоединенные города?» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.).

3) «Как поступать с теми евреями, которых закон застал на жительстве в присоединенных местностях, но затем они выехали в другие губернии и через некоторое время вернулись?» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.).

Решение этих вопросов в каждом сомнительном случае осуществлялось как минимум войсковым начальством, а то и ГУКВ (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.). Между тем Н.И. Святополк-Мирский не любил перегружать себя гражданскими делами (Карасев, 1899: 113), а в ГУКВ подобные дела рассматривались годами из-за необходимости согласовывать их с другими министерствами (Редигер, 1999: 120). Согласно П.С. Балугеву, евреи широко пользовались этим, продолжая переселение на Дон, а властные структуры демонстрировали полное бессилие контролировать этот процесс, поскольку проверять степень обоснованности прав каждого еврея на водворение в области Войска Донского оказалось «слишком трудно» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.).

В итоге администрация Н.И. Святополк-Мирского добилась эффекта, прямо обратного ожидаемому: за 1890 гг. обороты еврейских предприятий на Дону не только не сокращались, но и выросли почти вдвое! К 1898 г. в донских городах было уже 899 еврейских предприятий с годовым оборотом в 23 174 700 руб., а в сельской местности – 27 предприятий с годовым оборотом в 159 000 руб. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 20б.). Соответственно, еще больше возросло значение еврейской торговли: годовой оборот обычных еврейских торговых предприятий составлял 7 843 900 руб., а оборот учитывавшихся отдельно предприятий, торговавших хлебом, – вообще 8 739 000 руб. (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 20б.). Как мы видим, общий оборот еврейских предприятий достиг уже примерно половины от оборота всех хозяйств простых донских казаков, а зависимость последних от вывоза евреями хлеба на продажу возросла еще больше. Впрочем, администрация Н.И. Святополк-Мирского, несмотря на свой антисемитизм, не торопилась принимать мер на этот счет. В последние годы своего атаманства Н.И. Святополк-Мирский стал особенно пассивен и, как говорили злые языки, больше интересовался обустройством недавно купленного поместья, чем управлением Донской областью (Скорик, 2015: 78).

Очередное изменение ситуации вокруг донских евреев произошло совершенно внезапно. На фоне явного роста еврейской торговли в области Войска Донского положение простых казаков быстро ухудшалось. Стоимость коня и амуниции не соответствовала финансовым возможностям казачьих хозяйств, долги бедняков станичным правлениям за снаряжение на службу каждый год возрастали и к 1898 г. достигли 1 141 249 руб. (Маслаковец, 1899а: 43). В начале этого года донское дворянское собрание обратилось с ходатайством к Николаю II, призывая последнего создать специальную комиссию для исследования причин казачьего обеднения (ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 4-40б.). Сразу же после получения императором дворянского ходатайства Н.И. Святополк-Мирский был снят с атаманской должности. На Дону шутили, будто бы, «уезжая, атаман плакал горячими слезами и, как гласит (маловероятное, впрочем) предание, там, где падали слезы на землю, рождались и расплзались в сторону маленькие крокодилы» (Петровский, 1916: 24). Для изучения ситуации в бласть Войска Донского был командирован Н.А. Маслаковец, признавший опасное обеднение казаков (Протоколы..., 1899: 1-2). Хотя прямо о том, что именно администрация Н.И. Святополк-Мирского разорила донское казачество, и не говорилось, кулуарно сам военный министр А.Н. Куропаткин признал: на фоне ежегодного увеличения войскового капитала на 300 000 руб. донские власти «не делали полезных расходов» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 94).

И в этой ситуации окружение бывшего атамана, отводя удар от себя и желая переложить на других свои просчеты, попыталось вывернуть ситуацию так, будто бы донских казаков разорили... евреи. Нужно отметить, что ни в документах донского дворянского собрания, ни в заключениях Н.А. Маслаковца о причинах обеднения казаков евреи Ростова-на-Дону и Таганрога не упоминаются. Зато П.С. Балугев как раз в 1898 г. подготовил свой текст «О торгово-промышленной деятельности еврейского населения области и влиянии его на торговую и промышленную деятельность населения

области». Показательно, что начальник войсковой канцелярии так и не смог ясно объяснить, почему скупка продуктов казачьих хозяйств евреями была вредна для благосостояния казаков, однако он насытил свой текст приведенными выше образцами антисемитской риторики и на ее основании утверждал, будто бы евреи «эксплуатируют» все остальное население империи вообще (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 40б.). И, что еще важнее для темы нашей статьи, П.С. Балувев призывал принять новую серию антисемитских законов, якобы необходимых для улучшения экономического положения донского казачества.

Предлагаемые законы можно было разделить на две группы. Первая из них преследовала целью изгнание из области Войска Донского большинства евреев, за исключением абсолютно необходимых для поддержания местной экономики. Кроме того, эти законы должны были облегчить процедуру изгнания, лишая евреев всякой защиты. Так, П.С. Балувев рекомендовал «выселить из селений Ростовского округа всех евреев, не имеющих недвижимой собственности» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 6). Но и еврей-собственники оказывались под ударом: П.С. Балувев требовал, чтобы защитой от выселения служили исключительно специальные полицейские «списки евреям, имеющим право на жительство» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.). Не попавших в эти списки евреев, даже представивших бесспорные доказательства того, что они жили в Ростове-на-Дону и Таганроге до их присоединения к области Войска Донского, предполагалось немедленно изгнать (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 50б.). Вторая же группа «балуевских» законов должна была доводить дискриминацию донских евреев до крайних пределов, побуждая к отъезду за черту оседлости. Так, евреям, включая торговцев и промышленников, планировалось вовсе воспретить покупку новой недвижимости, оставив только право арендовать ее (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 6). На любую временную отлучку из области Войска Донского еврей должен был бы брать специальное удостоверение в полиции с указанием цели поездки, а нарушение этого правила начальник атаманской канцелярии находил необходимым карать изгнанием за черту оседлости (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 6). Наконец, П.С. Балувев рассчитывал лишать права жительства на Дону евреев, переселявшихся как за пределы области, так и в ее пределах из одного города в другой (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 38. Л. 6). Как мы видим, окружение Н.И. Святополк-Мирского попыталось сделать так, чтобы за разорение казачества наказаны оказались не донские чиновники, вина которых была очевидна современникам, но вовсе не причастные к этому процессу донские евреи.

Вероятно, предложения П.С. Балувева были доведены до сведения А.Н. Куропаткина. Военный министр и сам был склонен к проявлению антисемитизма, основанного на иррациональном страхе «порабощения русского племени евреями» (Куропаткин, 2003: 111). Описание евреев в его книге «Русская армия» даже стилистически очень близко к антисемитской риторике П.С. Балувева: «Они отличаются крайней неразборчивостью в средствах для достижения целей, главное же из них – подкуп. Они же умеют с необычайным искусством обходить закон. Путем установления изъятий, подкупа и обхода закона евреи давно разрушили черту еврейской оседлости, и уже свыше одного миллиона душ поселилось в губерниях вне черты еврейской оседлости» (Куропаткин, 2003: 107). И осенью 1898 г. А.Н. Куропаткин попросил Н.А. Маслаковца представить «заключение о вреде, который <...> мог бы быть нанесен населению Области Войска Донского от пребывания в ей евреев» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 1). И тогда человек, в бытность которого помощником донского атамана начались гонения на евреев на Дону, неожиданно выступил их защитником. Здесь ярко проявилась разница между «рациональным» антисемитизмом донских чиновников конца 1870 гг. и антисемитизмом иррациональным, возобладавшем в донской администрации с 1880 гг. Не вступая с П.С. Балувевым в полемику по существу, Н.А. Маслаковец перечислил все уже принятые меры по ограничению еврейского населения Дона и заявил, что, благодаря им, «Область Войска Донского ныне вполне обеспечена от <...> приобретения евреями какого-либо влияния на экономическую деятельность донского казачьего населения» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 3). К сожалению, Н.А. Маслаковец не объяснил, как это его утверждение сочеталось с ролью евреев в донской торговле вообще и скупке донского хлеба в частности. Вероятно, генерал считал, что для экономики края национальность местных торговцев не важна, и улучшения благосостояния казаков от замены еврейских скупщиков русскими не произойдет. В любом случае, он выступил даже не против конкретных мер, предложенных П.С. Балувевым, но против самой идеи о дальнейшем ужесточении антиеврейского законодательства на территории области Войска Донского (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 40. Л. 1-3). И в итоге комиссия, изучавшая причины обеднения донского казачества, вовсе не касалась «еврейского вопроса», а ее итоговый доклад не предусматривал никаких мер против евреев (Маслаковец, 1899а: 1-123).

Между тем становилось все очевиднее, что проблема обеднения донских казаков все больше занимает Военное министерство, и на ее фоне решение других проблем донского края отложено. В 1900 г. для изучения ситуации на месте на Дон прибыл лично А.Н. Куропаткин (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 48. Л. 4-40б.). Сопровождавшие его в поездке представители войсковой администрации, очевидно, убедившиеся в том, что попытки обвинить евреев в казачьих проблемах не находят поддержки, на сей раз воздержались от антисемитских инициатив. А сам военный министр на донских евреев не обратил внимания даже в Ростове-на-Дону и в Таганроге, с их еврейской диаспорой

и с еврейскими торговыми предприятиями. В целом же о приазовских городах и их торговле А.Н. Куропаткин отзывался вполне благосклонно, ничуть не связывая их с обеднением казачества. «Большой торговый город. Постройки прекрасные. Большое в городе оживление. Везде чистота и порядок», – писал он о Ростове-на-Дону (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 48. Л. 52). А Таганрог был удостоен им даже следующей сентенции: «В Таганроге очень живое население. Город стоит того, чтобы его поддерживать» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 48. Л. 52об.). Таким образом, несмотря на антисемитские предложения П.С. Балуева в 1898 г., Военное министерство не стало усиливать законодательные меры для ограничения еврейского населения Дона, а вскоре, с началом русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой русской революции, поменялась вся ситуация вокруг российских евреев.

Итак, второй раз еврейская община появилась в области Войска Донского в 1880 гт. Произошло это в результате подчинения Донскому Войску Ростова-на-Дону и Таганрога – городов со значительным еврейским населением, много лет лежавших в пределах черты оседлости. При этом для действовавшей в то время войсковой администрации Н.И. Святополк-Мирского был характерен крайний антисемитизм, основанный на страхе перед «эксплуатацией» казаков евреями. Тем не менее, учитывая объемы еврейской торговли и ее значение для экономики края, не могло даже идти и речи о немедленном изгнании всех донских евреев. В этих условиях Военное министерство попыталось перейти к политике мягкого вытеснения евреев с Дона: предполагалось, что, если запретить переселяться в область Войска Донского новым евреям, число евреев-старожилов постепенно будет сокращаться и даже сойдет на нет. Однако на практике администрация Н.И. Святополк-Мирского не была готова разбираться с правами на жительство каждого еврея персонально, и фактически в 1890 гт. значение евреев на Дону только возрастало: всего за пять лет, с 1894 г. по 1898 г., обороты еврейских предприятий почти удвоились! Это составляло разительный контраст с прогрессирующим обеднением казаков, и, когда администрация Н.И. Святополк-Мирского оказалась под шквалом критики из-за этого обеднения, начальник атаманской канцелярии П.С. Балуев попытался представить дело так, будто бы казаки беднели потому, что евреи богатели. Однако подобная попытка донских чиновников переложить собственную вину на евреев не нашла поддержки даже у более умеренных антисемитов, и в конечном счете за решением экономических проблем казачества «еврейский вопрос» на Дону отошел на второй план до 1905 г.

5. Заключение

Как мы убедились, в 1860–1890 гт. область Войска Донского в плане проживания на ее территории евреев находилась в совершенно особой для Российской империи ситуации. С одной стороны, формально она лежала за пределами черты оседлости; с другой – на практике, за исключением 1880–1887 гт. еврейская община на ее территории динамически развивалась. Причем происходило это, за исключением атаманства М.И. Черткова (1868–1874 гт.), вопреки желанию достаточно антисемитски настроенных властей. Положение донских евреев во второй половине XIX в. неоднократно менялось, и можно выделить четыре этапа развития еврейской общины в области Войска Донского:

1. До 1868 г. В это время в Донском Войске не действовало специальное антиеврейское законодательство, поскольку в нем просто не было нужды: территория войска была закрыта для приобретения недвижимости и постоянного проживания не только евреев, но и почти всех не казаков. При этом «полезные иногородние» часто нелегально селились в станицах, и теоретически в их числе могли быть евреи, однако подобные случаи происходили, очевидно, чрезвычайно редко. Н.И. Краснов в своем статистическом описании Земли Войска Донского начала 1860 гт. евреев не упоминал вовсе, так что можно с уверенностью говорить, что сколько-либо заметная еврейская община здесь отсутствовала.

2. 1868–1880 гт. В 1868 г. донским атаманом стал женатый на еврейке М.И. Чертков, а «русским подданным невойскового сословия» дозволили приобретать недвижимое имущество в пределах Земли Войска Донского. И новый атаман не только не принял мер, чтобы решить возникшую юридическую коллизию (Донское Войско осталось вне черты оседлости, а антиеврейское законодательство на его территории не было введено в действие), но и оказал покровительство семейству еврейских купцов Поляковых, организовавших приток евреев на Дон для работы на железных дорогах. Начался и процесс переселения отдельных евреев в казачьи станицы по собственной инициативе, оставшийся без внимания войсковых властей. Однако в 1874 г. на смену М.И. Черткову пришел Н.А. Краснокутский, администрация которого опасалась возникновения экономической конкуренции между казаками и евреями. Шансов для казаков выиграть эту конкуренцию донские чиновники не видели, и в 1880 г. в области Войска Донского наконец ввели в действие ограничительные меры против евреев, постепенно выселив последних за черту оседлости.

3. 1880–1887 гт. Несмотря на почти полное уничтожение еврейской общины на территории области Войска Донского, следующий атаман, Н.И. Святополк-Мирский, проявлял еще более радикальный антисемитизм, считая угрозой не только прямую экономическую конкуренцию казаков и евреев, но и «эксплуатацию» первых последними путем скупки продуктов казачьих хозяйств для

дальнейшей перепродажи. В итоге антиеврейское законодательство в Донском Войске продолжало ужесточаться, и допуск на его территорию был закрыт даже «нижним чинам из евреев».

4. 1887–1905 гг. Ситуацию в корне изменило присоединение к области Войска Донского приазовских городов с многочисленной и процветающей еврейской общиной. Оказалось, что войсковые власти просто не могут справиться с ней: полное выселение евреев за черту оседлости нанесло бы непоправимый ущерб донской экономике, а частные меры, введенные против донских евреев, оказались абсолютно неэффективны. Вопреки антиеврейской законотворческой деятельности местных и имперских властей, еврейские предприятия в Ростове-на-Дону и Таганроге процветали, а их доходы росли. В этой ситуации в 1898 г. войсковая администрация выступила с инициативой выселить всех евреев, не имевших недвижимой собственности, а оставшихся взять под полный контроль полиции. Однако поддержать подобные меры Военное министерство не решилось, и донской администрации пришлось смириться с тем фактом, что еврейская община стала полноценной частью населения области Войска Донского.

Литература

- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
 Гонтмахер, 2007 – Гонтмахер М.А. Евреи на донской земле. Ростов-на-Дону, 2007. 852 с.
 Гутман, 2004 – Гутман М. Евреи среди казаков // *Лехаим*. 2004. № 8. [Электронный ресурс].
 URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/148/gutman.htm>
 Григорович, 1911 – Григорович Н.С. Памяти Н.А. Маслаковца // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 262–266.
 Карасев, 1899 – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // *Русский архив*, 1899. Кн. 2. С. 106–116.
 Корниенко, 2013 – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
 Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
 Куропаткин, 2003 – Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб., 2003. 590 с.
 Маслаковец, 1872 – Маслаковец Н.А. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Ч. 1. Новочеркасск, 1872. 114 с.
 Маслаковец, 1874 – Маслаковец Н.А. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Ч. 2. Новочеркасск, 1874. 95 с.
 Маслаковец, 1899а – Маслаковец Н.А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.
 Маслаковец, 1899б – Маслаковец Н.А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск, 1899. 11 с.
 Мовшович, 2006 – Мовшович М.В. Очерки истории евреев на Дону. Ростов-на-Дону, 2006. 303 с.
 Номикосов, 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
 Олейников, 2014 – Олейников А.В. Успешные генералы забытой войны. М., 2014. 320 с.
 ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
 Петровский, 1916 – Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.). Новочеркасск: 1916. 40 с.
 Протоколы..., 1899 – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. 1899. 289 с.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Редигер, 1999 – Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. II. М., 1999. 574 с.
 Ряжев, Сангаджиева, 2018 – Ряжев А.С., Сангаджиева Е.В. Н.А. Маслаковец о хозяйстве донских калмыков // *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2018. № 14. С. 63–76.
 Сватиков, 1924 – Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.
 Скорик, 2015 – Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. 1184 с.
 Сущенко, Ковынева, 2019 – Сущенко В.А., Ковынева М.В. Обустройство евреев на донской земле и их укоренение в деловой элите города Ростова-на-Дону в XIX в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2019. № 1 (134). С. 223–239.
 Татаринов, 2019 – Татаринов И.Е. Российско-украинское приграничье в 1917–1919 гг.: особенности политико-административных преобразований на Дону и в Крыму // *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2019. № 1 (44). С. 47–55.

[Volvenko, 2015](#) – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 14. Is. 2. Pp. 94-107.

References

- [GARO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].
- [Gontmakher, 2007](#) – *Gontmakher, M.A.* (2007). Evrei na donskoi zemle [Jews on the Don land]. Rostov-on-Don. P. 852. [in Russian]
- [Grigorovich, 1911](#) – *Grigorovich, N.S. Pamyati, N.A.* (1911). Maslakovtsa [In Memory of N.A. Maslakovets]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Vyp. 23. Orenburg, 1911. Pp. 262-266. [in Russian]
- [Gutman, 2004](#) – *Gutman, M.* (2004). Evrei sredi kazakov [Jews among the Cossacks]. *Lechaim*. 8. [Electronic resource]. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/148/gutman.htm> [in Russian]
- [Karasev, 1899](#) – *Karasev, A.A.* (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [Don ataman over the past half-century]. *Russkii arkhiv*. 5: 106-116. [in Russian]
- [Korniyenko, 2013](#) – *Korniyenko, B.S.* (2013). Pravyj Don: kazaki i ideologija nacionalizma (1909–1914). [Right Don Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb. P. 232. [in Russian]
- [Krasnov, 1863](#) – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. P. 596. [in Russian]
- [Kuropatkin, 2003](#) – *Kuropatkin, A.N.* (2003). Russkaya armiya [Russian army]. SPb. P. 590. [in Russian]
- [Maslakovets, 1872](#) – *Maslakovets, N.A.* (1872). Fizicheskoe i statisticheskoe opisanie kochev'ya donskikh kalmykov [Physical and statistical description of the pastures of the Don Kalmyks]. Part 1. Novoherkask. P. 114. [in Russian]
- [Maslakovets, 1874](#) – *Maslakovets, N.A.* (1874). Fizicheskoe i statisticheskoe opisanie kochev'ya donskikh kalmykov [Physical and statistical description of the pastures of the Don Kalmyks]. Part 2. Novoherkask. P. 95. [in Russian]
- [Maslakovets, 1899a](#) – *Maslakovets, N.A.* (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti vojska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtsa 23 avg. 1899 g. [About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. P. 123. [in Russian]
- [Maslakovets, 1899b](#) – *Maslakovets, N.A.* (1899). Predstavlennye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Dontsova. [Submitted by the Chairman of the Commission considerations of reports of Mordvintsev, Biryukov and Dontsov]. Novoherkask, 1899. P. 11. [in Russian]
- [Movshovich, 2006](#) – *Movshovich, M.V.* (2006). Ocherki istorii evreev na Donu [Essays about the history of Jews on the Don]. Rostov-on-Don. P. 303. [in Russian]
- [Nomikosov, 1884](#) – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Vojska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novoherkask. P. 774. [in Russian]
- [Oleinikov, 2014](#) – *Oleinikov, A.V.* (2014). Uspeshnye generaly zabytoi voiny [Successful generals of a forgotten war]. M. P. 320. [in Russian]
- [OR RNB](#) – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].
- [Petrovskij, 1916](#) – *Petrovskij, A.I.* (1916). Opis' vojskovym, nakaznym i vojskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremja v goroda Cherkassk, a zatem Novoherkassk dlja upravlenija Oblast'ju vojska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlenным. (1738-1916 gg.). [Inventory of the vojskovye, nakaznye i vojskovye nakaznye atamans at different times in the city of Cherkassk and then Novoherkassk to management of the Don Host from higher authorities delivered. (1738-1916 gg.)]. Novoherkassk. P. 40. [in Russian]
- [Protokoly..., 1899](#) – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region]. 1899. P. 289. [in Russian]
- [Rediger, 1999](#) – *Rediger, A.F.* (1999). Istoriya moei zhizni. Vospominaniya voennogo ministra [Story of my life. Memories of the Minister of War]. Vol. II. M. P. 574. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- [RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military and historical archive].
- [Ryazhev, Sangadzhieva, 2018](#) – *Ryazhev, A.S., Sangadzhieva, E.V.* (2018). N.A. Maslakovets o khozyaistve donskikh kalmykov [N.A. Maslakovets about the economy of the Don Kalmyks]. *Mongolovedenie (Mongol sudlal)*. 14: 63-76. [in Russian]

- Skorik, 2015** – Skorik, A.P. (2015). Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Milyutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocheerkassk. P. 1184. [in Russian]
- Sushchenko, Kovyneva, 2019** – Sushchenko, V.A., Kovyneva, M.V. (2019). Obustroistvo evreev na donskoi zemle i ikh ukorenenie v delovoi elite goroda Rostova-na-Donu v XIX v. [Settlement of Jews on the Don land and their rooting in the business elite of the city of Rostov-on-Don in the 19th century]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1(134): 223-239. [in Russian]
- Svatikov, 1924** – Svatikov, S.G. (1924). Rossiya i Don (1549–1917 gg.) [Russia and the Don (1549–1917)]. Belgrade. P. 592. [in Russian]
- Tatarinov, 2019** – Tatarinov, I.E. (2019). Rossiisko-ukrainskoe prigranich'e v 1917-1919 gg.: osobennosti politiko-administrativnykh preobrazovaniy na Donu i v Krymu Russian-Ukrainian borderlands in 1917-1919: features of political and administrative transformations in the Don and Crimea. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 1(44): 47-55. [in Russian]
- Volvenko, 2015** – Volvenko, A.A. (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*. 14(2): 94-107.

Администрация Войска Донского и местная еврейская диаспора в 1860–1890 гг.

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, *}

^a Международнyй сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственнyй университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. История евреев области Войска Донского до настоящего времени остается недостаточно изученной. В частности, отношение местных властей к евреям вовсе не исследовалось специально ни профессиональными учеными, ни даже краеведами-любителями. Данная статья представляет собой первую попытку установить, какой политики в «еврейском вопросе» придерживались администрации трех донских атаманов конца XIX в.: М.И. Черткова, Н.А. Краснокутского и Н.И. Святополк-Мирского. В научнyй оборот вовлекаются неопубликованные рукописи об истории евреев на Дону, принадлежащие перу Н.А. Маслаковца (помощника Н.А. Краснокутского и Н.И. Святополк-Мирского по гражданской части) и П.С. Балужева (начальника канцелярии Н.И. Святополк-Мирского). Автор показывает, что область Войска Донского в течение длительного времени, хотя и по разным причинам, находилась в уникальном положении, располагаясь за пределами черты оседлости, но при этом имея на своей территории динамично развивающуюся еврейскую диаспору. При этом каждый атаман проводил свою политику по отношению к евреям, причем их антисемитизм последовательно возрастал: М.И. Чертков был достаточно лоялен по отношению к еврейской диаспоре; Н.А. Краснокутский демонстрировал умеренный антисемитизм, основанный на страхе того, что казаки проиграют экономическую конкуренцию евреям; а Н.И. Святополк-Мирский отличался радикальным антисемитизмом, основанном на иррациональной демонизации евреев.

Ключевые слова: евреи, область Войска Донского, межэтнические отношения на Юге России, Н.А. Маслаковец, П.С. Балужев.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)